

**ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА**

**ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ**

**ПАЛЕНАЯ
МЕСТЬ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Паленая месть / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-223274-9

1987 год. На Кубани набирает силу «сухой закон». Однако здешнему криминалу это только на руку — есть возможность заработать на «паленом» алкоголе. В кровавой схватке за новый рынок столкнулись несколько непримиримых банд. Так бы и перебили отморозки друг друга, если бы в дело не вмешался капитан милиции Валентин Сухарев. Крутой опер знает, как развести зарвавшихся молодцов. Одного только он не предусмотрел: свою бывшую любовь Карину, бросившую его ради большого чиновника, который теперь крышует местных бандитов. Именно Карина оказалась на острие удара в спину бесстрашному капитану...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223274-9

© Колычев В.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Третий звонок уже прозвенел, лампы гаснут медленно, постепенно погружая большой гулкой зал в потусторонний мир художественного волшебства. Сеанс дневной, зрителей почти нет, впереди две пары, за спиной никого, но в этом и прелесть, пустота в зале поможет глубже проникнуть в таинственный мир киноискусства. Сухарев почувствовал себя султаном, когда заиграла восточная музыка и появились полуобнаженные наложницы. «Таджикфильм», «Последняя ночь Шахерезады». Девушки жгучие, красивые, танец живота полон огня и страсти, калифу не может не нравиться, а он просит Шахерезаду рассказать ему сказку. Танцовщицы исчезают, а жаль, одна из них живо напомнила Сухареву его ныне уже бывшую жену, такая же знойная брюнетка с чарующим взглядом. А как Карина танцевала с ним! Сейчас танцует с другим...

Сеанс уже начался, но вход еще не закрыт, в затемненный зал вошла пышноволосая женщина с тонким станом, облегающее платье чуть короче среднего, тело переполнено чувственностью. А походка у женщины от бедра, легкое волнующее покачивание на высоких каблуках, энергия страсти через край. Лица не видно, но фигурка и походка как у Карины, волосы такие же пышные. И черные... Но что Карина может здесь делать?

А женщина все ближе. Ее не интересует нумерация рядов, она смотрит прямо на Валентина. Знакомые глаза, губы, улыбка... Это Карина, никаких в том сомнений. И глаза что-то говорят, и губы беззвучно шепчут, а улыбка загадочная, многообещающая.

Уже год, как они расстались, обида не прошла, но боль от потери успокоилась, может, потому и не перехватило дыхание от возмущения. Карина подходит, ничего не говорит, смотрит в глаза, улыбается, рукой нащупывает сиденье, чтобы перевести его в горизонтальную плоскость. Коньяком от нее пахнет и духами, и то и то французское, любовница первого секретаря горкома может позволить себе и не такую роскошь.

Сиденье она опустила, но почему-то вдруг оказалась не в кресле, а на коленях у Валентина. Пьяная она. От коньяка. А он опьянел от нахлынувших ощущений... Или это всего лишь сон?

Валентин и не собирался в кино, мимо проходил, увидел афишу, вспомнил, как они с Кариной целовались, сидя на заднем ряду. Он тогда только-только делал первые шаги в должности оперуполномоченного, и он молодой, и Карина. Он неопытный, а она уже знала толк в любви, много чему его научила. В кинотеатре он тогда брал первые уроки... А после свадьбы эта горячая распутная девица стала давать уроки другим. Но тогда лейтенант Валентин не знал, что ждет его впереди, верил в вечную любовь...

— Ничего не говори! — зашептала она, прижимаясь к нему.

Валентин не спал, все происходило с ним наяву, и, в общем-то, удивляться нечему. Карина — южная кровь, легко вспыхивает и без алкоголя, а если выпьет, спасения от нее просто нет. Где-то что-то отпраздновала среди бела дня, сегодня шла по улице, возможно в поисках приключений, увидела Валентина, увязалась. С ним даже знакомиться не надо, главное — напор и внезапность, а с женским обаянием у нее по-прежнему все в лучшем виде. А он уже, спасибо кино, находился в романтическом настроении...

Карина распалилась, тело, бедра в движении, платье задирается все выше, лиф тесен для ее бюста, грудь вылезла, сосок обнажился. Зрители в зале смотрят на экран, назад не оборачиваются, но в любой момент может появиться контролер

с обходом, будет искать, кто грызет семечки, но найдет что-то гораздо более интересное. Еще и милицию вызовет, очень даже запросто. Но Валентин ошеломлен и уже не контролирует себя...

* * *

Медведь, он только в сказках если не добрый, то великодушный, а в жизни это дикий, порою кровожадный зверь. И полковник Зяблов только с виду плюшевый мишка, благодушный взгляд, мягкие черты лица, сдобные плечи. Он, конечно, не тиран, и ему больше нравится поощрять, чем наказывать, но, если провинился, пощады от него не жди. А у Валентина залет. Карина довела вчерашний сеанс любви до конца, никто не помешал, сначала ушла она, затем он. Вернулся в РОВД, погрузился в работу, голова долго не включалась, но это уже детали. Казалось бы, все обошлось, а сегодня его вызвали на ковер. Оказывается, кто-то видел, как Валентин выходил из кинотеатра.

— Хочешь сходить в кино, пожалуйста, никто не держит! Выходные никто не отменял! И вечерние сеансы тоже. Или просто отпросись. Макар Павлович, ну невтерпеж! Разве ж я не отпущу?.. Что там крутили?

— «Последняя ночь Шахерезады».

— Сказок захотелось? — коварно улыбнулся Зяблов. — Будут тебе сказки! Из горкома звонили, спрашивали, а что, у капитана Сухарева

отгул? Или он преступность в городе победил?.. Победил преступность, Сухарев?

— Нет.

— Ну тогда жди комиссию партийного контроля... Что у тебя с текучкой? — спросил Зяблов.

Валентин, услышав вопрос, подумал: «Или Карина сама проболталась, с кем загля в кино-театре, или Доронин устроил ей допрос с пристрастием, и она раскололась».

— Текучка... Кража на Коммунаров, ограбление на Кочубея, пока глухо.

— Может, тебе в другое кино сходить? «Петровка, 38», например, или «Огарево, 6», посмотреть, как там работают, может, умное что-нибудь почерпнешь, а то сказки, оно как-то несерьезно... — расшутился начальник. — Давай, иди бабки подбивай, а то завтра может быть уже поздно.

Валентин кивнул, отправился к себе в кабинет, но не успел взяться за дело, как появились двое с постными лицами в сопровождении секретаря парткома городского управления внутренних дел, и началось. Что-что, а со своими противниками Доронин расправляться умел.

* * *

Парень совсем уже взрослый, вес полутяжелый, а удары полноценно убойные, Толик ничего не понимал, с чего это тренер бросил его под этот танк. Толик со счета сбился, сколько ударов

пропустил, голова уже не соображает, ноги едва держат непослушное тело, а Курченко насадет и бьет, бьет. Толик пропустил справа, упал, поднялся, но сил стоять уже нет, еще удар, и все. Но звучит гонг, бой окончен. Судейского решения можно не ждать, бой проигран вчистую. Так и оказалось.

С ринга Толик уходил, не смотрел по сторонам. Тошнило его, одно лишнее движение, и вывернет наружу. Мало того что проиграл, еще и блеванул, пацаны прикалываться будут.

Толик прошел в раздевалку, сел, опустил голову. Голова чугунная, гул в ней, но это пройдет, надо всего лишь посидеть немного. Синяк под глазом надувается, но и это пройдет. Жаль, не сразу, но пройдет. Рассечений нет, кровь даже носом не шла. Нос у Толика крепкий. Да и голова, в общем-то, тоже. Нужно немного посидеть, не шевелясь, кровь успокоится, боль отступит.

— Ты Маркин? — откуда-то справа донесся густой мужской голос.

Непонятно, откуда взялся этот голос, никого в раздевалке не было и вроде бы никто не заходил.

— Ну я.

Толик поднял голову, перед ним стоял коренастый парень с широким лицом и далеко посаженными глазами. А глаза еще и выпученные, это придавало ему сходство с жабой. Почему-то вспомнилось, как они с пацанами били из рогатки

лягушек на пруду. Это сейчас Толик взрослый, восемнадцать скоро, это сейчас он понимает, что нельзя без надобности убивать живность, даже мелкую...

— Удар хорошо держишь, Толик!

— А ты кто такой?

— В бурсе учишься?

— Ну а где?

Странный вопрос, спортзал в профтехучилище солидный, любая ДЮСШ позавидует, секция бокса только для своих. Бесплатно. Секция карате — в ней заниматься можно уже за деньги, Толик и хотел бы записаться, но в кармане пусто. Отец бухает, у матери брат младший на шее, две сестры, Толик помогать семье должен, а не деньги тянуть. Да он, в общем-то, помогает, с ребятами нет-нет да и ходят на мясокомбинат грузчиками подрабатывать, за ночь двадцатку поднять можно, а то и тридцатку. Стипендия опять же тридцать пять рублей, а столовая у них дешевая, за тридцать копеек от пуза можно наесться. И на себя хватает, и матери отсылает. Не так уж все и плохо.

— С деньгами туго? — спросил парень.

— Нормально все.

— Подзаработать хочешь?

— Завтра пойдем, с комбината звонили.

— Мясо грузить?

— Ты кто, вообще, такой? — Толик резко поднялся.

Вместе с ним поднялась и тошнота, к самому горлу подкатила. Толик усмехнулся, как-то не жалко выbleвать на этого хрена с бугра. Откуда он такой взялся, все про него знает?

— Гарик я, может, слышал?

— Нет!

— А Чинзано?

Толик кивнул, знакомое имя. О Чинзано на районе знали все, на дискотеку в клуб лучше не ходить, там его банда пасется, пригласишь девчонку на танец, все, считай домой не вернулся. Чинзано знали, Чинзано боялись, хотя кто он такой, Толик толком не знал. Даже не видел его. Ну зону топтал, ну крутой, все, больше ничего не известно.

— Ну ты же не Чинзано?

— Я нет, но я с ним.

— И что тебе нужно?

— Нам нужно. Бойцы нужны, крепкие ребята, а ты и машешься конкретно, и удар держишь. Видел, как тебя молотили, хорошо держался.

— И что? Чинзано меня в свою банду возьмет?

— Да какая там банда, так, шпана, только бухать в три горла! Сам не балуешься?

— Нет! — уверенно ответил Толик.

— А вы на комбинате мясо в вагоны грузите?

— И в вагоны, и в фуры. А что?

— Смог бы фуру угнать?

— Чего?! — вскинулся Толик.

— Это деньги, реальные деньги! — Гарик внимательно смотрел в глаза Толику. — Фуру взяли, косарь на брата.

— Косарь?! В смысле, тысячу рублей?! — захлопал глазами Толик.

— Ну-у!

Деньги большие, можно даже сказать запредельные, а у государства брать не самый большой грех. Все берут. Все выносят. По мелочи. А фура — это уже по-крупному. Большому кораблю — большое плаванье.

— Ничего себе!

— А ты думал!

— И что делать нужно?

— Я же сказал, фуру угнать.

— Там охрана, не выпустят.

— Я смотрю, ты уже забился, — засмеялся Гарик. — Это хорошо... Не надо ничего угонять, не надо. Это я так сказал, посмотреть на тебя хотел. Нам отчаянные ребята нужны, такие, чтобы в огонь и в воду... Пойдешь?

— В огонь?

— К нам. Через огонь.

— А деньги? — спросил Толик.

— Деньги будут!

Гарик выразительно смотрел на него. И деньги будут, и уважение, но заслужить это будет непросто. Что ж, Толик готов рискнуть. Он, в общем-то, парень отчаянный.

* * *

Пригородный поселок, участковый пункт милиции в кирпичной пристройке к пятиэтажному дому, две комнаты и камера с железной дверью. Июль месяц, жара несусветная, вентилятор натужно лопатит горячий воздух, но свежести нет, хотя дверь открыта настежь.

Сухареву хорошо, он молодой, до тридцати целый год, сухопарый, жара на него, конечно, действует, хочется куда-нибудь на речку, а лучше всего на море, и не на солнце, а в тени. Но пот с него градом не катит, под мышками горячо, но сухо. И рубашка на спине не взмокла. Другое дело капитан Темочкин Богдан Пантелеевич, его новый непосредственный начальник. Этот жирком к своим сорока годам заплыл, тело как холодец, при каждом движении колышется. Лицо красное от жары, на голове платок носовой на узелочках, чтобы пот на глаза не стекал, рубашка мокрая, даже погоны влажные, он ее не снимает, сырость, она вроде как охлаждает. На улице ни ветерка, сквозняк никакой, движение воздуха от вентилятора еле чувствуется, не продует, не просквозит. А если вдруг, больничный можно взять. Наконец-то у начальника опорного пункта нежданно-негаданно появился подчиненный, капитан Сухарев. Афанасьевский — поселок маленький, по штату положено двое участковых, но хватало и одного. А тут вдруг подфартило,

пополнение нежданно подошло. Не было бы, как говорится, счастья... Несчастье с Валентином произошло, партийная комиссия накопила кучу нарушений, к реальности присовокупила свои фантазии, в итоге Валентина исключили из партии. Провели собрание, вынесли решение, понятное дело, Доронин его утвердил. Как-никак, он все это безобразия и организовал.

Вслед за одним наказанием последовало другое, Валентину впаяли служебное несоответствие и перевели в участковые. Причем с понижением, с майорской на капитанскую должность, впрочем, очередное звание светило ему только через два года. Хотя могли присвоить и досрочно, капитана ему на год раньше дали. За реально высокие показатели в работе. Отлично ему служилось, пока жена окончательно не сшалавилась. Доронин женат, партия разводиться не велит, вот он и выкручивается. Карина только числится в любовницах, а живет он с ней как с женой. Как с блудливой женой. А как он хотел? Если жена гуляет от первого мужа, с чего она будет хранить верность второму?

— Поселок у нас, я тебе скажу, тихий, всего четыре пятиэтажки, все на виду, гастролеры сюда не сунутся. А лезть грабить частный дом — удовольствие так себе, — усмехнулся Темочкин. — Люди у нас добрые, собаки злые.

— Ну да, — усмехнулся Валентин.